

Л. Г. Тоноян

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ СУЖДЕНИЯ: ТРАКТОВКИ АРИСТОТЕЛЯ, БОЭЦИЯ И Н. А. ВАСИЛЬЕВА

Аннотация: В статье представлено решение проблемы неопределенных суждений в трудах трех мыслителей: создателя силлогистики Аристотеля (384–322), его переводчика на латынь и интерпретатора Северина Боэция (480–525) и создателя воображаемой (неаристотелевой) логики Н. А. Васильева (1880–1940). Различие логик Аристотеля и Н. А. Васильева основано на различных трактовках неопределенных суждений. В статье показано, что акцидентальное суждение Н. А. Васильева аналогично неопределенному суждению модальной силлогистики Аристотеля, а именно суждению о возможно присущем.

Ключевые слова: Аристотелевская логика, комментарии Боэция, воображаемая логика Н. А. Васильева, неопределенное суждение, акцидентальное суждение, суждение о возможно присущем.

Abstract: The paper presents the problem of indeterminate statements in the work of three thinkers: the creator of syllogistic Aristotle (384–322), its translator into Latin and interpreter Severin Boethius (480–525), and the creator of an imaginary (no-aristotle) logic of N. A. Vasiliev (1880–1940). The difference of Aristotle's and N. A. Vasiliev logic based on different interpretations of indeterminate statements. The paper shows that the accidental opinion of N. A. Vasiliev similar to indeterminate statement of modal syllogistic of Aristotle, namely, the statement of the potentially inherent.

Keywords: Aristotelian logic, comments of Boethius, imaginary logic of N. A. Vasiliev, indeterminate statement, accidental statements, the statement of the potentially inherent.

«Удовольствие не благо». Такой пример приводит Аристотель в качестве неопределенного суждения. Услышав данное суждение, не только логик, но и всякий человек может сразу задать уточняющий вопрос: *всякое удовольствие не благо или только некоторое?* Квантификация простых высказываний и упорядочивание их отношений с помощью логического квадрата лежат, как известно, в основе силлогистики Аристотеля. Но в обычной речи, состоящей, как правило, из связанных друг с другом простых высказываний, кванторные слова «все», «некоторый» и др. довольно часто опускаются. Предполагается при этом, что эти количественные характеристики подлежащего подразумеваются. К примеру, «студенты — люди», без сомнения, общее суждение, «студенты — отличники» — частное суждение, «студенты — способные» — неопределенное. Итак, что же подразумевается в неопределенных суждениях?

© Л. Г. Тоноян, 2011

Если оставить суждения неопределенными, то их нельзя использовать ни в науке, ни в силлогизме, как пишет об этом Аристотель: «О неопределенном нет ни науки, ни доказывающего силлогизма из-за отсутствия твердо установленного среднего термина» (Первая аналитика. 1, 32 b 18–20). Тогда сфера логических исчислений катастрофически сужается, ведь не только повседневная речь, но и в научный текст изобилует неопределенными суждениями.

Предлагаем рассмотреть, как решается проблема неопределенных суждений в трудах трех мыслителей — создателя категорической силлогистики Аристотеля (384–322), его переводчика на латынь и интерпретатора Северина Боэция (480–525) и создателя воображаемой, неаристотелевой логики Н. А. Васильева (1880–1940).

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ СУЖДЕНИЯ В ЛОГИКЕ АРИСТОТЕЛЯ

А. «ПЕРВАЯ АНАЛИТИКА»

Отметим те места в текстах Аристотеля, где говорится о неопределенных суждениях. Прежде всего это начало первой книги «Первой Аналитики»: «Посылка есть речь, утверждающая или отрицающая что-то относительно чего-то. Она бывает или общей (καθόλου), или частной (εὐ μέρει), или неопределенной (ἀδιόριστος). Общей я называю [посылку] о присущем всем или не присущем ни одному, частной — о присущем или не присущем некоторым или присущем не всем, неопределенной — о присущем или не присущем без указания того, общая она или частная, как, например, противоположности изучаются одной и той же наукой или удовольствие не есть благо»¹.

В следующей, второй главе, в которой вводится различие посылок по модальности, это деление еще раз повторяется: «Всякая же посылка есть посылка или о том, что присуще, или о том, что необходимо присуще, или о том, что возможно присуще; и из них в соответствии с каждым способом сказывания (prosresis — смотря по тому, что прибавлено) одни утвердительные, другие — отрицательные; и далее, из утвердительных и отрицательных одни — общие, другие — частные, третьи — неопределенные»².

Далее, Аристотель, рассматривая в четвертой главе силлогизмы по первой фигуре и модусы Darii и Ferio («Пусть А будет присуще всем В, а В некоторым В, в таком случае А будет необходимо присуще некоторым В. Если же А не присуще ни одному В, а В присуще некоторым В, то А необходимо не присуще некоторым В»), добавляет: «Точно так же, если посылка ВВ неопределенная

¹ «ἀδιόριστον δὲ τὸ ὑπάρχειν ἢ μὴ ὑπάρχειν ἄνευ τοῦ καθόλου ἢ κατὰ μέρος, οἷον τὸ τῶν ἐναντίων εἶναι τὴν αὐτὴν ἐπιστήμην ἢ το τὴν ἡδονὴν μὴ εἶναι ἀγαθόν» // Электронный ресурс: <http://amkob113.narod.ru/vlog/nvs-1-2.html>

² Там же. 1, 25–26а 1–43. С. 120–125.

и утвердительная. Ведь силлогизм будет одним и тем же — берется ли БВ как неопределенное или как частное».

Мы видим явное указание на то, что неопределенная утвердительная посылка рассматривается как частная. Почему? Прежде всего, обратим внимание на то, что Аристотель иллюстрирует силлогизмы примерами, составленными не из посылок и заключения, а из отношения трех терминов. Например, «Пусть терминами будут: белое — лошадь — лебедь; белое — лошадь — ворон. Те же термины можно взять, если АВ — посылка неопределенная». Поскольку термины, взятые отдельно, могут быть, как распределены, так и не распределены по объему, т. е. составлять как общие, так и частные суждения, то взятые сами по себе, как простое соединение терминов, они составляют неопределенные посылки.

Итак, *первая* трактовка неопределенных суждений состоит в том, что это суждения, в которых нет кванторных слов. Но для того, чтобы оно стало посылкой силлогизма, следует сделать ее посылкой определенной, т. е. отнести либо к частной, либо к общей (других в силлогизме нет). Неопределенное суждение имплицитно не содержит в себе общего, но частное оно содержит в любом случае (истинность суждения «человек зол» не влечет истинность суждения «всякий человек зол», но влечет истинность суждения «некий человек зол»). Значит, к общей посылке неопределенное суждение отнести нет никаких оснований, поэтому она должна быть отнесена к частной.

1. Посылка

1.1. Общая.	1.2. Частная.
1.2.1. Определенно-частная:	1.2.2. Неопределенно-частная:
1.2.1.1. Утвердительная:
присуще только некоторым;	1.2.2.1. Присуще некоторым или всем;
1.2.1.2. Отрицательная:
не присуще некоторым.	1.2.2.2. Не присуще некоторым или ни одному.

Далее следует еще одна трактовка неопределенного предложения: «... [положение] “Б не присуще некоторым В” неопределенно, оно ведь истинно и когда Б не присуще ни одному В, и когда оно присуще не всем В (потому что какому-то В не присуще)...»³

Вот что пишется в примечаниях к этому месту текста Аристотеля: «Неопределенность частноотрицательной посылки состоит в том, что она следует как из общеотрицательной, так и из конъюнкции частноотрицательной и част-

³ Там же. 1, 26b 15–18.

ноутвердительною посылкою. «Присуще не всем» означает здесь именно такую конъюнкцию: «присуще некоторым и не присуще некоторым». Ср. 27b 20–23, 27–28; 28b 28–31; 29a 6, 35a 11. В указанном смысле неопределенна и частноутвердительною посылкою, ибо она следует, как из общеутвердительною посылки, так и из конъюнкции частноутвердительною и частноотрицательною посылкою»⁴.

Рассмотрев все три фигуры, Аристотель заключает: « Ясно также, что во всех фигурах получится один и тот же силлогизм, если вместо *частноутвердительною* посылки взять *неопределенную*» (Первая Аналитика. 1, 29a 28–30).

Итак, неопределенная посылка употребляется уже в двух смыслах: 1) когда не указано, присуще всем или некоторым, 2) когда сказано «не присуще некоторым». «Не присуще некоторым» означает либо 2a) «присуще не всем» (а только некоторым — исключаяющее суждение), либо означает 2б) «не присуще ни одному» (общеотрицательное суждение).

2. Частная посылка

2.1. Частноутвердительною = неопределенная.

2.2. Частноотрицательною = неопределенная:

2.2.1. «Присуще некоторым»;	2.2.2. «Не присуще некоторым»;
2.2.1.1. «Присуще только некоторым»;	2.2.2.1. «Не присуще ни одному» (E);
2.2.1.2. «Присуще возможно всем».	2.2.2.2. «Присуще не всем»
(O исключаяющее).

Поскольку неопределенность означает возможность («присуще возможно всем»), то неудивительно, что при переходе к модальным силлогизмам (посылки которых могут быть либо о просто присущем, либо о необходимо присущем, либо о возможно присущем), мы встречаемся с еще одним пониманием неопределенной посылки: «...“Быть возможным” употребляется в двояком смысле: в одном смысле возможно то, что обычно бывает, но не необходимо, как, например то, что человек седеет или полнеет, или худеет, или вообще то, что ему естественно присуще (ибо все это не связано с необходимостью, поскольку человек не вечно существует, но, если он существует, все это или необходимо, или обычно бывает). В другом смысле “быть возможным” означает нечто *неопределенное*, то, что может быть и так, и не так, например, что живое существо ходит или что в то же время, как оно идет, происходит землетрясение, и вообще все происходящее случайно. Ведь по природе все это может *так* происходить не в большей мере, чем наоборот» (Первая аналитика. 1, 32 b 5–15).

⁴ Аристотель. Соч. в 4 т. Т. 2. М., 1978. Примечания. С. 622.

Итак, *третье* толкование неопределенной посылки: 3) это посылка о возможно присущем, которая тоже может пониматься двояко: 3а) не необходимо и 3б) случайно.

3. Посылка

3.1. О просто присущем.	3.2. О необходимо присущем.	3.3. О возможно присущем:
3.3.1. Не необходимо;
3.3.2. Случайно= неопределенно. |
|-------------------------|-----------------------------|---|

Б. «Об истолковании»

Прежде всего отметим, что именно в этом сочинении, в четвертой главе трактата «Об истолковании», Аристотель дает определение того, что в традиционной логике называют суждением, а в русском переводе трактата звучит как высказывающая речь. Он называет такую речь греческим словом апофансис. Кстати говоря, такого обозначения не было ни у Протагора, который ввел основные грамматические категории, ни у Платона.

«Простое высказывание (*αλβανσις*) есть звукосочетание, обозначающее присущность или неприсущность чего-то с различием во времени» (Об истолковании. Гл. 4. 17a 23–25).

Далее Аристотель намечает в главе седьмой деление простых суждений, но несколько иное, чем в «Аналитиках». Приведем целиком этот отрывок.

«Так как одни предметы общие, а другие — единичные (общим я называю то, что может по природе может сказываться о многом, а единичным — то, что не может этого; например, “человек” есть общее, а Калий — единичное), то необходимо высказывать, присуще или не присуще что-то чему-то как общему или как единичному. Поэтому если об общем высказываются как об общем, что ему нечто присуще или не присуще, то эти высказывания будут противоположными друг другу. Говоря “высказываться об общем как об общем”, я разумею, например, “каждый человек бледен — ни один человек не бледен”. Когда же высказываются об общем, но не как об общем, такие высказывания не противоположны друг другу, хотя выраженное в них иногда может быть противоположным. Говоря “высказываться об общем не как об общем”, я разумею, например, “человек бел — человек не бел”; в самом деле, хотя “человек” есть нечто общее, но в высказывании он не рассматривается как общее, ибо “каждый” означает не общее, а то, что о чем-то высказываются как об общем. Но неправильно об общем сказуемом сказывать как об общем, ибо ни одно утверждение не бывает истинным, в котором об общем сказуемом сказывают как об общем, например “каждый человек есть каждое живое существо»» (Гл. 7. 17a 38–17b 16).

Можно обобщить сказанное как деление простых высказываний на общие, не общие (неопределенные) и единичные. Подлежащее может быть общим или единичным. Сказуемое может быть высказано о подлежащем либо как об общем (*каждый человек бледен*), либо как о единичном (*Сократ бледен*). Но когда сказуемое относится не ко всем предметам подлежащего, то слово «каждый» пропускается (человек бел), и это суждение уже не будет общим («об общем не как об общем», частными Аристотель здесь их не называет). Итого, получилось три вида суждений: единичные, общие, не общие (неопределенные).

Далее в той же главе каждый вид суждения противопоставляется своему отрицанию, и Аристотель различает противопоставление контрарное (для общих и единичных суждений) и контрадикторное (для общих и не общих), а также субконтрарное (для необщих) отношение. Считается, что в этой главе рассмотрены все отношения логического квадрата (кроме подчинения) и сам квадрат как бы незримо (виртуально) присутствует в тексте. Это, конечно, не вполне справедливо. К вопросу о логическом квадрате мы в дальнейшем еще вернемся. Добавим, кстати, по поводу отношения подчинения. В других местах текста Аристотеля оно рассматривается и притом не раз: если присуще всем, то присуще и некоторым.

Особое отношение к теме неопределенных суждений имеет знаменитая 9-я глава трактата «Об истолковании». Здесь Аристотель, говоря о будущих, т.е. возможных событиях, отмечает, что существуют такие предложения, которые в настоящий момент еще не являются ни истинными, ни ложными (*завтра произойдет морское сражение*). Значит, для таких предложений введенный Аристотелем для суждений принцип двужначности не имеет места. Тогда их можно рассматривать как предложения, имеющие некое третье значение, и этим значением может, в свою очередь, стать **неопределенность**.

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ СУЖДЕНИЯ В ТРАКТОВКЕ БОЭЦИИ

Боэций, переведя на латынь практически весь «Органон» Аристотеля, сопроводил логические трактаты Стагирита подробнейшими комментариями. Так, во «Введении в категорические силлогизмы»⁵ Боэций излагает аристотелевское учение о речи⁶, далее делит суждения (высказывания) на виды соответственно их качеству и количеству и их отношения в логическом квадрате. По количеству он выделяет четыре вида высказываний: универсальные

⁵ *Боэций А. М. Т. С.* Введение в категорические силлогизмы // Вопросы философии. 1999. № 1. С. 145–171.

⁶ Высказывание есть то, что объявляет истину или ложь. Его же Туллий именуется выражением (*proloquium*) или посылкой (*propositio*).

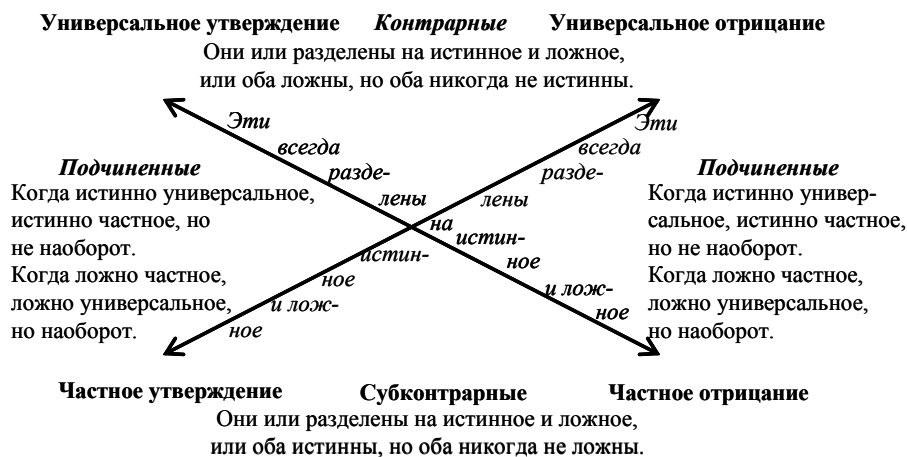
(с кванторным словом «любой», «никакой»), частные (со словом «некий»), неопределенные (без кванторных слов — *человек есть мудрый, человек не есть мудрый*) и единичные («относительно чего-то единичного и индивида, например *Сократ есть мудрый, Сократ не есть мудрый*»).

Далее от всех этих высказываний отделяются неопределенные и единичные, а для оставшихся универсальных и частных подробнейшим образом формулируются отношения следующего логического квадрата.

Универсальное утверждение: <i>Любой человек есть справедливый.</i>	Универсальное отрицание: <i>Никакой человек не есть справедливый.</i>
Частное утверждение: <i>Некий человек есть справедливый.</i>	Частное отрицание: <i>Некий человек не есть справедливый.</i>

Это отделение указывает на то, что неопределенные и единичные суждения «не вписываются в квадрат» так естественно, как первые два вида. Если бы они не вписывались совсем, то не могли бы служить посылками категорического силлогизма. Но, рассмотрев подробно отношения логического квадрата для общих и частных суждений⁷, Боэций возвращается к неопределенным и единичным высказываниям. Разобрав тщательно связи неопределенных высказываний с универсальными и частными, он приходит к выводу, что «неопределенные [высказывания] обладают той же природой, что и частная [посылка]». Что касается единичных, то они не схожи ни с одним из четырех видов, ибо если предыдущие три (универсальное, частное и неопределенное) допускали различие в количестве, то эти «высказывают нечто одно, единично и индивидуально и различия в количестве иметь не могут». Если нет многозначности терминов, то между утверждением и отрицанием в таких суждениях (*Сократ есть лысый, Сократ не есть лысый*) имеет место отношение противоречия.

⁷ Обратим еще раз внимание читателей на повторяющуюся в учебных пособиях ошибку, указывающую на византийского логика XI в. Михаила Пселла как на «изобретателя» логического квадрата. По мнению авторитетных исследователей, изображение «квадратной фигуры» можно найти у писателя II в. Апулея (см. об этом также: *Тоноян Л. Г.* О логическом трактате Апулея // Мыслители. Вып. X. Я (А. Слинин) и мы. (К 70-летию Я. А. Слинина). СПб., 2002. С. 519–527). После Апулея исследования квадрата проводили Капелла Марциан и другие комментаторы Аристотеля, но с наибольшей методической точностью — Боэций в упомянутом нами трактате.

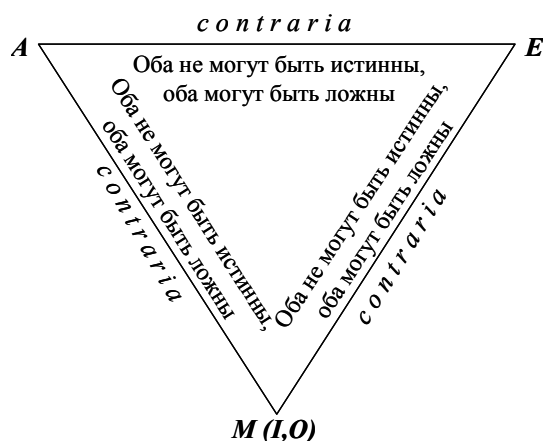
Из вышеизложенного мы можем сделать следующие выводы. Классификация Боэция не совсем совпадает с аристотелевской — ни в каком месте у Аристотеля мы не встречаем деление простых суждений именно на указанные четыре вида. Во-первых, Боэций выбирает у Аристотеля не выражение «А присуще всем/некоторым В», а выражение «каждый/**некий** S есть P». Во-вторых, отбрасывает сначала единичные и неопределенные суждения, и только после этого излагает отношения оставшихся видов суждений в логическом квадрате. Эти шаги, собственно, и позволяют Боэцию предложить классический логический квадрат, который благодаря его необыкновенному методическому таланту разработан им здесь до совершенства. Сказать, что именно такой логический квадрат предполагался у Аристотеля в седьмой главе трактата «Об истолковании», было бы, мы полагаем, натяжкой.

Особо следует обратить внимание на то, что Боэций в этом трактате проводит еще одно деление суждений, заимствованное также у Аристотеля, но модернизированное им. Аристотель, как мы уже упомянули, делит посылки и по модальности: «Всякая же посылка есть посылка или о том, что присуще, или о том, что необходимо присуще, или о том, что возможно присуще» (Первая аналитика. Гл. 2. 25a 1–3. С. 120).

Боэций, рассматривая перечисленные отношения логического квадрата, говоря об отношениях между двумя суждениями, рассматривает при этом и отношения в самом суждении терминов между собой, отношения, так сказать, не по форме, а по содержанию, по свойству терминов, а именно: (1) либо предикат всегда присущ субъекту, (2) либо предикат никогда не присущ субъекту, (3) либо предикат иногда присущ субъекту. Примером первого случая может быть животное по отношению к человеку, примером второго — камень по отношению к человеку, примером третьего — справедливость по отноше-

нию к человеку. Если рассматривать отношения между суждениями, учитывая только разную «степень бытийности», присущности предиката субъекту, то видов суждений будет не четыре, а три, поскольку частное утверждение и частное отрицание совпадают в случае (3): иногда-присущность имплицитно содержит в себе иногда-неприсущность (*Некоторые люди справедливы, значит, некоторые, т. е. другие люди, несправедливы*). Тогда в каждом из трех случаев мы получаем следующие отношения: в случае (1), когда предикат необходимо присущ субъекту, общее утверждение — «А всегда истинно», остальные суждения ложны; в случае (2), когда предикат не может быть присущ субъекту, общее отрицание — «Е истинно», остальные А, I = O ложны; в случае (3), когда предикат возможен (случаен) для субъекта, частные суждения «I = O истинны», оба общих суждения А и Е необходимо ложны. То есть, если случай иногда присущности рассматривать как тождество суждений I и O, как одно суждение, то между оставшимися тремя видами суждений возникает только отношение противоположности, а именно любые два из них не могут быть вместе истинными, но могут быть вместе ложными.

Как видим, эти три случая соответствуют трем видам суждений в воображаемой логике Н. А. Васильева, где вместо квадрата оппозиций имеет место треугольник противоположностей: «Относительно каждого понятия, взятого как субъект, и любого предиката мы можем образовать три различных суждения: одно о необходимости данного предиката для данного понятия, другое о его невозможности и третье о его возможности. Одно из этих суждений должно быть истинно, и четвертого образовать нельзя»⁸.

⁸ Васильев Н. А. О частных суждениях, треугольнике противоположностей, законе исключенного четвертого // Воображаемая логика. М., 1989. С. 42.

Но вернемся снова к вопросу о неопределенных суждениях в трактовке Боэция: «Неопределенными являются те, которые не обладают никаким определенным значением, но обнаруживаются помимо представления об универсальных и частных по количеству [высказываниях], как, например: “человек есть справедливый”, “человек не есть справедливый”. Хотя эти [высказывания], как уже было сказано, не обладают определенным значением, они все же обладают природой частных посылок. Ведь как одни из тех [посылок], которые в особом описании были нами обозначены как “субконтрарные”, разделены между собой на истинную и ложную [посылки], а другие, напротив, согласуются в истине, хотя и не могут, как представляется, одновременно быть ошибочными, так же и неопределенные [высказывания]: если то, что высказывается, всегда необходимо присуще субъекту, утверждение истинно, отрицание ложно, как в этих посылках: “человек есть животное”; “человек не есть животное”; если же в неопределенных высказываниях выражается то, чего природа субъекта не принимает, отрицание истинно, а утверждение примыкает ко лжи, как, например, если кто-нибудь скажет: “человек есть камень”; “человек не есть камень”; [таких же примеров], что бы обе посылки совпали в высказывании с ложью, отыскать невозможно.

При этом они, подобно [частным посылкам], находятся в противоречии с утвердительными и отрицательными универсальными [высказываниями], так что как бы ты ни менял субъекты, одно всегда полностью истинно, другое — ложно. Пример такого предиката, который всегда коренится в субъекте, пусть будет следующий: “любой человек есть животное”; “человек не есть животное”; “никакой человек не есть животное”; “человек есть животное”. Здесь неопределенные [высказывания] обладают той же природой, что и частная [посылка]. [Далее], то, что никогда не коренится [в объекте], т. е. “любой человек есть камень”; “человек не есть камень”; “никакой человек не есть камень”; “человек есть камень”. Здесь также неопределенные [высказывания], противоположные универсальным, по причине противоположности, отражают одно — истину, другое — ложь. Равным образом и то, что может подходить природе субъекта, а может и оставить ее: “всякий человек есть справедливый”; “человек не есть справедливый”; “никакой человек не есть справедливый”; “человек есть справедливый”. И в этом неопределенные [посылки] не отличаются от частных, подлежащих универсальным [высказываниям]: по причине противоположности посылок; одно всегда истинно, другое, напротив, ложно.

Далее, какие бы ни приводились примеры терминов, если мы сопоставляем утверждения с утверждениям, а отрицания — с отрицаниями, в случае истинности универсальных [высказываний] истина обнаруживается и в неопределенных. Так, если истинны [посылки] “любой человек есть животное”,

“никакой человек не есть камень”, не подлежит сомнению истина неопределенных [высказываний], полагающих, что человек есть животное и человек не есть камень. Если же предшествует ложность универсальных [посылок], неопределенные могут быть различными, ложными или истинными, следующим образом: универсальное высказывание, полагающее “всякий человек есть справедливый”, ложно; то же, которое утверждает: “человек есть справедливый”, истинно для части человеческих существ. Ведь если не все люди обладают справедливостью, но, [при этом], тем не менее, некто справедлив, правильно говорится: “человек есть справедливый”.

Равным образом, когда универсально полагается ложная [посылка] «никакой человек не есть справедливый», и это же отрицается неопределенно, [такое неопределенное отрицание] не расходится с истиной. Ведь если некий человек несправедлив, не ошибется тот, кто выскажет: “человек не есть справедливый”. Точно так же, если ложна [посылка], универсально утверждающая: “любой человек есть камень”, ложна и та, что то же подтверждает неопределенно: “человек есть камень”. И наоборот: если ложно отрицание, посредством которого утверждается: “никакой человек не есть животное”, неопределенное отрицание, полагающее “человек не есть животное”, ложно. В этом также наблюдается их подобие частным [высказываниям]. Ведь в случае [посылок], находящихся в отношении подчинения, истинность универсальности влекла истинность частности. Ложная же универсальность не сообщала частности ни необходимую истинность, ни необходимую ложность. Равным образом все это обнаруживается при сопоставлении универсальных и неопределенных [высказываний].

Далее, [если] прежде установлена ложность неопределенных [посылок], универсальные также необходимо ложны. Например, если ложно, что человек есть справедливый, ложно и что любой человек есть справедливый, поскольку [данное универсальное утверждение] не обладает истинностью, если хотя бы один человек несправедлив. Точно так же не обладает истинностью универсальное отрицание, если ошибочно неопределенное отрицание. Например, если ложно [высказывание], утверждающее: “человек не есть справедливый”, [ложно и универсальное высказывание “никакой человек не есть справедливый”], поскольку [наличие справедливости] в человеке не может универсально отрицаться, если хотя бы один человек справедлив.

Если же неопределенное высказывание утверждает истину, универсальное может быть как истинным, так и ложным. Например, когда мы говорим: “человек есть справедливый” (есть же человек, не лишенный справедливости); универсальное отрицание этого, когда кто-нибудь утверждает: “никакой человек не есть справедливый”, ошибочно. Если же неопределенно утверждается то, что не может быть отвлечено и отделено от субъекта, будет истинной [универсальная]

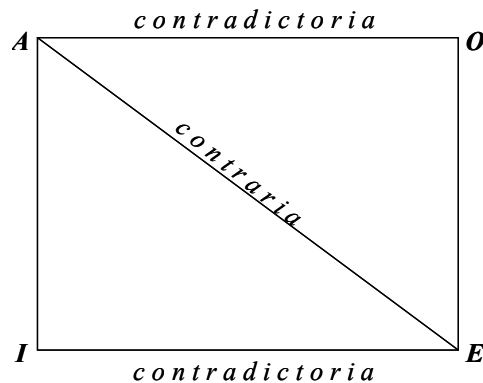
утвердительная [посылка], полагающая: “любой человек есть животное”. Если же неопределенное отрицание полагает то, что не подходит субъекту, например, если скажут: “человек не есть камень”, то универсальная отрицательная [посылка], та, которая полагает, что никакой человек не есть [камень], ни в чем не расходится с ее истиной. Итак, **нет никакого сомнения, что неопределенные и частные [высказывания] чрезвычайно похожи и имеют равную природу в обозначении лжи и истины. И достаточно о них сказано**⁹.

Думаю, эта пространная цитата ни у кого не оставит сомнений, что неопределенные суждения в такой трактовке («по крайней мере, одно S, а возможно, и все S есть P») могут быть приравнены к частным.

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ СУЖДЕНИЯ К ТРАКТОВКЕ Н. А. ВАСИЛЬЕВА

В первой своей работе «О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключенного четвертого» Н. А. Васильев пересматривает классификацию суждений в традиционной логике (А, Е, I, O).

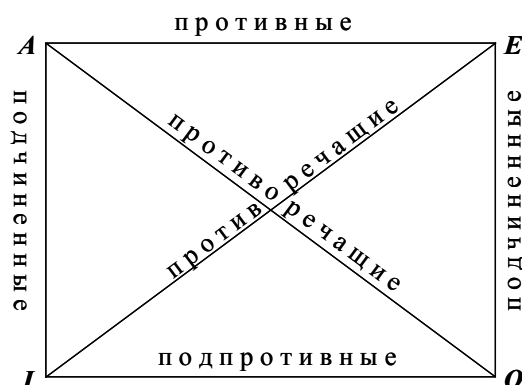
Н. А. Васильев выступает против приравнивания неопределенных суждений Аристотеля к частным, которое мы выше рассмотрели у Боэция. Н. А. Васильев считает, что начиная с Боэция (или его предшественников) квадрат отличается от предполагаемого в трактате «Об истолковании» квадрата Аристотеля. Н. А. Васильев пишет: «Как неизменное следствие различения 4 видов суждений *A*, *E*, *I* и *O*, во всех логиках, начиная с Аристотеля, фигурирует так называемый квадрат противоположностей, обычно представляемый диаграмматически. Схема, которую хотел дать Аристотель (*περί ἐρμηνείας*, 10), должна была иметь такую форму:

⁹ Боэций А. М. Т. С. Введение в категорические силлогизмы. С. 145–171.

Самые термины *contradictoria* [1] и *contraria* [2] суть перевод аристотелевских терминов. Он различает 1) $\alpha'ντιχεισθαι \alpha'ντιφατιχως$ (*contradictoria*) и 2) $\epsilon'ναντιως \alpha'ντιχεισθαι$ (*contraria*).

Начиная с Боэция (впрочем, с некоторыми различиями в терминологии та же схема встречается у Апулея), употребляется другая схема¹⁰:

Вот что думает Н. А. Васильев о классификации суждений у самого Аристотеля: «Мы не будем здесь касаться трудных вопросов, связанных с пониманием аристотелевской классификации предложений, различия этой классификации в *Anal.* и в *De interpr.*, значения $\tau\iota\varsigma$ Аристотеля. Эти вопросы являются открытыми, они не выяснены даже великолепными трудами Prantl'a и Maier'a (*Die Syllogistik des Aristoteles*).

Трудности, заключающиеся в этой классификации, заставляют меня думать, что Аристотель в *Anal. pr.* задавался целью классифицировать не логические, а грамматические формы предложений. Такими и будут формы со знаком общности, со знаком частности и без всякого знака.

Но, руководствуясь грамматической путеводной нитью, Аристотель открыл логическое деление суждений. Классифицируя формы выражения, он выделил формы мысли, и только его деление суждений по количеству может считаться исчерпывающим и логическим. Ясно, что суждения типа «Некоторые (не все) *S* суть *P*» будут частными суждениями, ибо в них *P* утверждается относительно части *S*. Ясно далее, что суждения типа «Некоторые, а может быть, все *S* суть *P*» будут суждениями неопределенными, ибо в них *S* берется без обозначения общности и частности, — ибо эти суждения верны и в том

¹⁰ Васильев Н. А. О частных суждениях, треугольнике противоположностей, законе исключенного четвертого. V. — Электронный ресурс: <http://amkob113.narod.ru/vlog/nvs-1-5.html> (дата обращения: 6.12.2010).

случае, если все S , и в том случае, если не все S суть P . Далее, аристотелевская форма таких суждений без всякого знака общности или частности является вполне адекватной формой для суждений типа «Некоторые, а может быть, и все S суть P »¹¹. Н. А. Васильев считает, что не правильно ставить неопределенное предложение («некоторые, а может быть, все S есть P ») на один уровень с общими и частными суждениями, поскольку оно выражает наше колебание между общим и частным суждениями. Неопределенные суждения надо, по его мнению, отнести к проблематическим, так как они сразу высказывают две гипотезы, например, предложение «люди справедливы» дает две гипотезы: «некоторые, но не все люди справедливы» и «некоторые, а может быть, и все люди справедливы». Логический квадрат выражает отношения между общими и неопределенными суждениями. Частное же суждение, считает Н. В. Васильев, и в обыденной жизни, и в науке употребляют в другом и притом однозначном смысле: «некоторые, но не все S есть P » — «некоторые люди (не все) справедливы», «некоторые треугольники — равносторонние».

«Аристотель, совершенно правильно указав на существование особого вида неопределенных суждений, с логической точки зрения совершенно неправильно поставил их на одну линию с общими и частными.

Неопределенное суждение «Некоторые S , а может быть, и все S суть P » представляет собой сложную форму, оно выражает наше субъективное колебание между общим и частным суждением, но не представляет собой какой-нибудь третьей формы наряду с ними. Уже самое противоположение некоторых всем в этой формуле указывает, что «некоторые» может значить только «не все» и что мы тут действительно имеем дело с колебанием между общим и частным. Неопределенное суждение просто указывает, что мы еще не выбрали между общим и частным суждением, что процесс суждения не закончился, что мы еще находимся в колебании. Платон, наверное бы, сказал, что неопределенные суждения составлены из знания и незнания. С логической точки зрения неопределенные суждения, как колебание между общим и частным, представляют собой такую же гибридную форму, такой же логический абсурд, как если бы называли суждением колебания между утвердительным и отрицательным суждениями и вычеканили бы формы типа «Все S суть P , а может быть, ни одно S не есть P ». Логически у этих форм и у неопределенного предложения нет никакой разницы. Почему же первые никогда не употребляются, а вторые, т. е. неопределенные, употребляются? Только потому, что неопределенные суждения полезны для обобщения, что ими начинается процесс создания общих суждений»¹².

¹¹ Там же.

¹² Там же.

Трудно не согласиться с Н. А. Васильевым, когда он пишет, что в обычной речи слово «некоторые» употребляют в смысле «только некоторые». Но вряд ли можно согласиться с тем, что суждение со словом «Некоторые, а может быть, и все S суть P » — логический абсурд, подобный формуле «Все S суть P , а может быть, ни одно S не есть P ». Например, в формуле частного суждения «Некий, а может быть, и всякий S есть P » уже нет никакого противоречия.

Если же принять только такую формулу частных суждений («(Только) некоторые S суть P »), то следует согласиться с Н. А. Васильевым, что часть отношений логического квадрата не имеют места: например, «все треугольники имеют сумму углов 360 градусов» и «некоторые треугольники не имеют сумму углов 360 градусов» — находятся в отношении противоречия, и согласно закону исключенного третьего не могут быть оба ложными, но они оба ложны. Второе суждение ложно, ибо подразумевает, что существуют треугольники с суммой углов 360 градусов, что «явная нелепость». Этот пример с учетом васильевской трактовки частного суждения опровергает закон исключенного третьего.

Вместо аристотелевско-боэциевской классификации суждений Н. А. Васильев предлагает делить суждения на суждения о факте и суждения о понятиях. Суждения о факте всегда подразумевают определенный момент времени и место в пространстве, субъектом в них является эмпирический факт. «Лампа горит» — эта конкретная лампа здесь и сейчас горит. Суждения о факте делятся на утвердительные и отрицательные суждения, и к ним применим закон исключенного третьего и логический квадрат. Суждения о понятии — это правила, они сохраняют свою силу *в любое время в любом месте*, субъектом в суждении о понятии выступает класс, или общее понятие. «Человек может падать» высказывается о классе людей и выполняется в разное время и в разных местах.

Суждения о понятии делятся на три вида: 1) **A** — суждения, в которых предикат необходим для данного понятия, «Все S есть P » — «все люди смертны», 2) **E** — предикат невозможен для данного понятия, «Ни одно S не есть P » — «ни один человек не есть камень», 3) акцидентальное суждение, представляющее собой соединение частноутвердительного и частноотрицательного суждений в одно — дизъюнктивное: «Все S есть или P , или не P », или « S может быть P » — «человек может быть справедлив». Все три суждения — общие, в том числе последнее. Вместо двузначной логики мы получаем трехзначную логику.

К суждениям о понятиях закон исключенного третьего не применим. К ним применим закон исключенного четвертого — только одно из этих суждений истинно, и четвертого образовать нельзя. Для таких суждений имеет место логический треугольник. Акцидентальное суждение представляет об-

щее знание обо всем классе и таким образом является не частным, а общим. Н. А. Васильев обозначает его буквой *M* (от греческого обозначения частного суждения ε'νμέρει).

«Если два таких предложения оба ложны, то, значит, истинно третье суждение. Если ложны *A* и *E*, то истинно *M*, если ложны *A* и *M*, истинно *E*. Значит, отношение между *A*, *E* и *M* есть отношение и исключающий дизъюнкции:

Или *S* постоянно имеет предикат *P* — (*A*) общеутвердительное.

Или *S* постоянно не имеет предиката *P* — (*E*) общеотрицательное.

Или *S* имеет предикат *P*, как accidens — (*M*), так называемое частное суждение.

Каждая возможность исключает две остальные; если ложны, если отпадают две каких-нибудь возможности, то необходимо истинна третья. *Четвертой возможности не может быть*. Это и есть закон исключенного четвертого, так как обычный логический закон исключенного третьего верен только для фактических суждений и неверен для суждений о понятии»¹³.

Справедливым нам кажется замечание Н. А. Васильева о рождении логического квадрата из полемики, стратегии спора: «Что же представляет собой “квадрат противоположностей”? Думаю, не требует особых доказательств, что *это есть квадрат противоположностей общих и неопределенных суждений*: “некоторые, а может быть, и все *S* суть *P*”, или *суждений общих и неопределенных числовых*: “несколько *S* суть *P*”. В обоих этих случаях он действительно верен, но его предпосылкой является понимание слова “некоторые” в смысле “некоторые, а может быть, и все”. Он зародился в уме Аристотеля для целей спора и опровержений противника, а не из логических мотивов. Для целей спора он действительно пригоден. Общее утвердительное предложение действительно также хорошо опровергается и общеотрицательным, и частноотрицательным (мы видим, что оно опровергается и частноутвердительным), как и неопределенным отрицательным: “Есть *S*, которые не суть *P*”. Даже такое неопределенное суждение гораздо легче составить. Где там в пылу спора разбираться, все ли *S* не суть *P* или только некоторые; достаточно указать, что есть такие *S*, и противник, утверждающий, что все *S* суть *P*, опровергнут»¹⁴.

Но трудно согласиться с выводом Н. А. Васильева о том, что нет частных суждений: «III. В сущности, нет частных суждений. Неопределенное числовое суждение есть суждение о группе, о всей данной группе. Акцидентальное суждение есть суждение о понятии, о всем данном классе, несомненное общее суждение. Неопределенное суждение вовсе не есть суждение, а только колебание между двумя гипотезами. Все три вида так называемого “частного суждения” оказались вовсе не частными суждениями. Суждения о понятии и о факте,

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

суждения об единичном предмете, группе или классе будут суждениями обо всем понятии и обо всем факте, о целом предмете, о целой группе, о целом классе. Нет категории частности. *Субъект всегда распределен в суждении*¹⁵.

Прежде всего, сам язык, в котором масса слов, характеризующих частность, а не общность («среди», «некий», «часть» и пр. и пр.), противится этому выводу. К тому же, суждение «только некоторые S суть P» вряд ли в полном смысле можно отнести к общим суждениям. Не удивительно, что в воображаемой логике, аналогом которой является логика понятий, Н. А. Васильев вынужден пользоваться категорией частности суждения.

Обратимся теперь к силлогизмам воображаемой логики этого исследователя. В ней остаются только общие и частные суждения, а последние при ближайшем рассмотрении оказываются формой общего, индифферентным суждением: *Все A есть B и не-B зараз*¹⁶. «Индифферентное суждение воображаемой логики находит свое соответствие в акцидентальном суждении о понятии: “S может быть P”. Это последнее можно рассматривать, как своеобразный синтез утверждения и отрицания. В самом деле, акцидентальное суждение — “S может быть P” — “Треугольник может быть равносторонним” — эквивалентно такой форме: “Некоторые S суть P, некоторые S не суть P”. “Некоторые треугольники равносторонни, некоторые нет”¹⁷.

Перейдем теперь непосредственно к модусам воображаемой логики. «Таким образом, мы будем иметь в воображаемой логике 6 модусов 1-й фигуры: общеутвердительный, частноутвердительный, общеотрицательный, частноотрицательный, общеиндифферентный и частноиндифферентный.

Два утвердительных модуса:

Все M суть P.

Все (Некоторые) S суть M.

Все (Некоторые) S суть P.

Два отрицательных модуса:

Все M не суть P.

Все (Некоторые) S суть M.

Все (Некоторые) S не суть P.

Два индифферентных модуса:

Все M суть и не суть P зараз.

Все (Некоторые) S суть M.

Все (Некоторые) S суть и не суть P зараз.

¹⁵ Там же. VI.

¹⁶ Зараз — сразу, одновременно. — термин Н. А. Васильева.

¹⁷ *Васильев Н. А.* Воображаемая логика // Электронный ресурс: <http://amkob113.narod.ru/vlog/nvs-2.html> (дата обращения: 6.12.2010).

Других модусов не может быть. Если мы возьмем малую посылку индифферентной, то мы не получим вывода, как не получим его, если возьмем малую посылку отрицательной. Значит, и для воображаемой логики остается в силе формальное правило нашей первой фигуры: большая посылка должна быть общей, малая утвердительной.

Теперь без доказательств, так как доказательства потребовали бы много места, сообщим некоторые другие теоремы воображаемой логики. Вторая фигура силлогизма в воображаемой логике невозможна, зато третья и четвертая возможны. Третья фигура имеет 9 модусов. Конверсия утвердительного суждения происходит, как в нашей логике, конверсия же отрицательных и индифферентных суждений невозможна¹⁸.

Мы предлагаем сравнить эти силлогизмы с аристотелевскими силлогизмами о возможно присущем. Говоря о модальных силлогизмах первой фигуры, Аристотель пишет: «Если одна из посылок будет о присущем, а другая — о возможно присущем и посылка о возможно присущем содержит больший крайний термин, то все силлогизмы будут совершенными и о возможно присущем» (*Аристотель*. Первая аналитика. I, 33b 25–28. С. 146). Если рассматривать индифферентное суждение как суждение о возможно присущем, то мы видим совпадение индифферентных модусов первой фигуры с модусами о возможно присущем.

То же относится и ко второй фигуре. Аристотель пишет: «Если во второй фигуре обе посылки — о возможно присущем, то не будет никакого силлогизма» (Там же. С. 155. 36b 26–27). Ср. у Н. А. Васильева: «Вторая фигура силлогизма в воображаемой логике невозможна».

Аристотель указывает, что «отрицательная посылка о возможно присущем необратима. Например, если А возможно не присуще ни одному В, то не необходимо, чтобы и В возможно не было присуще ни одному А» (Там же. С. 155. 36b 35–39). Н. А. Васильев отмечает, что «конверсия индифферентных суждений невозможна».

Далее, о третьей фигуре Аристотель пишет: «Если же одна из посылок — о присущем, а другая — о возможно присущем, то заключение будет о возможно присущем, а не о присущем» (Там же. С. 163. 39b 7–9). Сравним с третьей фигурой у Васильева. В третьей фигуре сохраняются 6 модусов нашей логики и прибавляется 3 новых индифферентных модуса. И тут наблюдается та же симметричность, которую мы заметили в первой фигуре. Если в утвердительных модусах нашей третьей фигуры переменить качество большой посылки из утвердительного на отрицательное, то получаем соответственно из утвер-

¹⁸ Там же.

дительных модусов Darapti, Disamis, Datisi отрицательные модусы: Felapton, Bocardo, Ferison. Если переменить качество большой посылки на индифферентное, тогда получаем соответственно индифферентные модусы.

1) (из Darapti)

Все M суть P и не суть P зараз. Все M суть S .
Заключение: некоторые S суть и не суть P зараз.

2) (из Disamis)

Некоторые M суть и не суть P зараз. Все M суть S .
Заключение: некоторые S суть и не суть P зараз.

3) (из Datisi)

Все M суть и не суть P зараз. Некоторые M суть S .
Заключение: некоторые S суть и не суть P зараз.

Итак, в третьей фигуре воображаемой логики будет 6 наших модусов и 3 новых индифферентных, а всего 9, но остается и для нее в силе формальное правило третьей фигуры: меньшая посылка должна быть утвердительной¹⁹.

Как видим, и в третьей фигуре наблюдается та же аналогия: у Аристотеля — если одна из посылок о возможно присущем, то вывод будет тоже о возможно присущем; у Н. А. Васильева — если одна из посылок — индифферентное суждение, то вывод будет тоже индифферентным суждением.

Проведенный нами анализ позволяет сделать некоторые предположения. Акцидентальное суждение Васильева можно трактовать как неопределенное суждение модальной силлогистики Аристотеля, а именно как суждение о возможно присущем. Остается неясным, почему Н. А. Васильев не привлекает для рассмотрения модальную силлогистику Аристотеля. Ведь суждения из девятой главы трактата «Об истолковании» (*плащ может быть разрезан, завтра произойдет морское сражение*) весьма сходны с акцидентальными суждениями Н. А. Васильева. Более того, они подтверждают мысль Н. А. Васильева о том, что для некоторых суждений закон исключенного третьего не имеет силы. Наше исследование также не дало ответа на вопрос, почему Н. А. Васильев не разбирает и не использует при изложении воображаемой логики модаль-

¹⁹ Там же.

ную силлогистику Аристотеля. По-видимому, не только он, но и большинство логиков начала XX в. не видели перспектив модальной логики Аристотеля.

Поскольку в чисто логической области открытия Н. А. Васильева не противоречат силлогистике Аристотеля, вопрос о воображаемой логике сводится к правомерности деления суждений на суждения о факте и суждения о правиле, понятии. И хотя со времени Канта, а может быть, и Лейбница (истины разума и истины факта) такое деление нельзя считать неприемлемым, мы полагаем, «отец логики» не согласился бы с таким способом удвоения истины.